

Отзыв

официального оппонента

кандидата исторических наук Н.Ю. Пивоварова

на диссертационное сочинение Татьяны Николаевны Никоноровой
«Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934 — 1952
гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной
номенклатуры», представленное на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности «Историография, источниковедение
и методы исторического исследования» - 07.00.09

Диссертационное исследование Т.Н. Никоноровой посвящено теме, несомненно, актуальной, но в то же время очень непростой, требующей от исследователя широты кругозора, кропотливых архивных поисков, широких обобщений и тонкого источниковедческого анализа. Актуальность предложенной темы обоснована не только общественным запросом на анализ экономической преступности в период сталинизма, но и историографической ситуацией – отсутствием качественного исследования, посвященного такой важной структуре как Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (далее – КПК). Изучение КПК, наряду с ЦК партии, позволяет понять, как формировалась советская политическая система в 1934 – 1952 гг., а также ответить на один из ключевых вопросов советологии о том, кто стоял во главе этой системы – партия или государство.

Среди важных достоинств диссертации стоит отметить то, что это не очередная реконструкция событий и фиксация отдельных количественных явлений и процессов, а анализ качественных характеристик советской политической системы через призму КПК. Для этой цели Т.Н. Никонорова проанализировала и ввела в научный оборот делопроизводственные документы КПК и аппарата ЦК ВКП(б), изучение которых позволяет понять, как формировался механизм принятия решений. Диссертант довольно убедительно показал роль и место КПК в сталинском репрессивном аппарате, отразил динамику деятельности Комиссии в довоенное время, в годы войны и в период «позднего» сталинизма.

Автор корректно обозначил объект исследования, цели и задачи диссертации. Вызывает вопрос предмет исследования, а именно заявленный «информационный потенциал документов КПК как источника изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры» (с. 8). Почему нельзя было использовать уже устоявшуюся в

источниковедении терминологию и написать об источниковой ценности документов КПК как предмете исследования, вопрос остается открытым. Отдельные возражения возможны в отношении терминологического аппарата, используемого в диссертации. Так, автор приводит формальное определение номенклатуры. Ссылаясь на советский учебник по партстроительству 1981 г., Т.Н. Никонорова пишет, что «номенклатура — это перечень наиболее важных должностей, кандидатуры на которые предварительно рассматриваются, рекомендуются и утверждаются данным партийным комитетом (райком, горком, обком партии и т.д.)» (с. 7). Но тогда о какой номенклатуре идет речь в диссертации – райкомов, обкомов или ЦК партии? Если о последней, тогда о какой именно – о номенклатуре Политбюро ЦК, номенклатуре Секретариата ЦК или учетной номенклатуре ЦК? Возможно, для диссертации необходимо было бы в самом сжатом виде описать численность номенклатуры в рассматриваемый хронологический период, что позволило бы оценить потенциальный масштаб, охватываемый исследованием.

Автор с достаточной степенью уважения и критичности оценил сделанное предшественниками по теме исследования. В то же время Т.Н. Никонорова не учла публикацию, сделанную на материалах КПК из Библиотеки Конгресса (Benjamin Tromly. *The Leningrad Affair and Soviet Patronage Politics, 1949—1950* // *Europe-Asia Studies*. 2004. № 56:5. P. 707-729), так и очень важной литературы по теме исследования (Edward Cohn. *The High Title of a Communist: Postwar Party Discipline and the Values of the Soviet Regime* (Northern Illinois University Press, 2015); James Heinzen. *The Art of the Bribe: Corruption Under Stalin, 1943-1953* (Yale-Hoover Series on Authoritarian Regimes) (Yale University Press, 2016). По «Ленинградскому» делу не приводятся работы американского проф. Д. Бранденбергера, исследователя из Санкт-Петербурга К.А. Болдовского, а также уральского историка А.В. Сушко, в публикациях которых представлен новый взгляд на эту политическую кампанию.

Источниковая база диссертации обширна и репрезентативна для получения достоверных выводов. Т.Н. Никонорова критически подошла к анализируемым источникам, созданным КПК, выдвинула обоснованные доказательства их достоверности. Благодаря диссертации в научный оборот были введены уникальные документы. Одной из знаковых находок стоит признать воспоминания И.А. Ягодкина – заместителя председателя КПК. Можно лишь пожелать, чтобы автор все-таки ввел в научный оборот в полном объеме этот, несомненно, важный документ, тем более, что историки в своем арсенале имеют довольно мало воспоминаний высших партийных руководителей.

В тоже время диссертант крайне некритично подошел к использованию документов личного происхождения. Например, во введении автор ссылается на воспоминания дочери И.В. Сталина. В частности, приводится очень яркая цитата о том, что весь быт, дачи, дома, прислуга, питание, одежда Сталина — все это оплачивалось государством, «для чего существовало специальное управление где-то в системе МГБ» (с. 5 – 6). На самом деле бытовая сторона советского вождя обеспечивалась за счет Управления делами ЦК ВКП(б) и Управления делами Совнаркома/Совмина СССР, тогда как охрана Сталина действительно числилась на балансе МГБ, но не более. Аналогичные замечания можно высказать и в отношении воспоминаний Н.С. Хрущева о том, что исключенных из партии «хватали в приемной Шкирятова». Автор диссертации считает, что эту фразу стоит понимать буквально (с. 92). Но и в этом случае все обстояло несколько сложнее. Обвиняемого могли допрашивать сначала в МГБ, а затем в КПК. По истории «Ленинградского» дела известно, что ряд партследователей КПК были переодетыми сотрудниками МГБ, т.е. сначала они допрашивали обвиняемых как следователи МГБ, а затем как партследователи КПК.

Структура диссертационного сочинения Т.А. Никоноровой строго подчинена заявленным во введении цели и задачам. В тоже время, на наш взгляд, архитектуру диссертации следовало бы несколько изменить. Так, первый параграф первой главы «Делопроизводство и видовые особенности документов КПК» логичнее было бы поменять местами со вторым параграфом, т. е. вначале осветить правовое положение, структуру КПК, а затем особенности делопроизводства. Тем более, что даже в названии главы все находится на своих местах: структура, полномочия, особенности делопроизводства и документирования.

Автор довольно последовательно и успешно раскрывает перед читателями механизмы формирования решений в КПК, особенности функционирования делопроизводства. Читая о протоколах Бюро и партколлегии КПК (то, как они составлялись, рассылались, хранились), хотелось бы увидеть чуть более подробное описание делопроизводства, а именно: 1) как оформлялись протоколы — был ли список присутствующих, отражалось ли, кто какой вопрос готовил, как заверялся протокол (печать, подписи); 2) какие виды протоколов существовали (сохранились), были ли черновой и белой варианты, а также подписной, архивный, рассылочный экземпляры «беловика»; 3) как формировалась повестка заседания КПК и была ли она вообще; 4) кто присутствовал на собраниях Бюро и партколлегии КПК; 5) какое количество вопросов (среднее и абсолютное значение) решалось на заседаниях КПК; 6) какие вопросы доминировали на заседаниях — представленные ведомствами или местными органами; 7) каким образом фиксировался

вопрос в протоколе: «О т. Иванове» или «О министре сельского хозяйства», насколько подробно описывался разбираемый вопрос; 8) использовались ли клишированные обороты в протоколах, если да, то какие; 9) каков примерный процент постановлений был отнесен к «Особой папке» (удалось ли автору познакомиться с отдельными постановлениями из «Особой папки»); 10) могли ли вноситься правки в окончательный вариант (подписной экземпляр), если да, то кто вносил эту правку; 11) практиковалось ли голосование опросом (вкруговую, по телефону); 12) все решения КПК утверждались вышестоящими партийными органами (Секретариатом или Политбюро), но зафиксированы ли случаи, чтобы Секретариат или Политбюро не утвердили решения, отправили на доработку.

Не совсем понятно, как проводился подсчет входящей и исходящей корреспонденции КПК (с. 26, 28). Автор интерпретирует количество входящих/исходящих документов, на основании номеров, указанных на этих документах. Однако, чтобы точно учесть количество исходящих и входящих документов, необходимо изучить картотеку КПК, разностные книги или журналы входящей и исходящей документации. Кроме того, изучая вопрос работы с входящей/исходящей корреспонденцией, хотелось бы получить ответы и на более частные вопросы. Например, использовался ли фельдъегерский корпус для отправки корреспонденции КПК? Использовался ли аппарат ЦК для получения входящих документов КПК, ведь, как известно, КПК располагался в тех же самых зданиях на Старой площади, что и ЦК.

На наш взгляд довольно провокационно звучит тезис Т.Н. Никоноровой об уничтожении документов КПК. Так, Т.Н. Никонорова пишет: «Плохое состояние архива КПК, отсутствие учета документов создавали благоприятные условия для их пропажи и, не исключено, — преднамеренного уничтожения» (с. 38). Кроме того, автор ссылается на воспоминания О.Г. Шатуновской, как одно из доказательств того, что целый ряд документов КПК были уничтожены (Там же). Такая аргументация весьма уязвима. Во-первых, отдельные «потерянные» или «уничтоженные» документы стоит искать в других описях, делах, которые по ряду причин остаются недоступными рядовым исследователям. Во-вторых, ряд ключевых документов КПК перемещался в фонды других органов ЦК. Возможно, что дополнительный поиск документов КПК необходимо произвести в т. н. «тематических делах» Политбюро, сравнительно недавно переданных из АП РФ в РГАНИ. В-третьих, прежде чем заявлять об «уничтоженных» документах, необходимо ознакомиться с фондами Управления делами ЦК. Ни один документ, если он попадал в недра ЦК и ЦКК и ему присваивался соответствующий номер (четырёх-, пяти- или шестизначный) не мог быть просто так выведен из состава архивного фонда. Для этого составлялся специальный акт, об уничтоженных (точнее

перемолотых и сожженных в печах ЦК) документах. Эти акты хранились вечно, только их анализ позволит понять истинные масштабы уничтоженных документов.

В диссертации подробно раскрыт механизм принятия решений в КПК. Так, Т.Н. Никонорова отмечает, что отправной точкой в формировании дела являлось письмо-жалоба. Это очень важное замечание, демонстрирующее, чем отличалась деятельность Комиссии от деятельности НКВД или МГБ. Стоит напомнить, что в новейших исследованиях по истории репрессивных структур была выдвинута довольно убедительная гипотеза о том, что в годы Большого террора и позже, карательные органы действовали не на основе доносов, а на основе внутренней картотеки. Т.Н. Никонорова попыталась реконструировать механизм взаимодействия КПК с НКВД и МГБ, но, на наш взгляд, это было сделано не совсем четко. Во многом это объясняется отсутствием доступа к материалам этих органов. Не до конца прописана роль КПК в формировании знаменитых «судов чести» в позднесталинский период.

Главное внимание в диссертации Т.Н. Никонорова сосредоточила на истории экономической преступности, понимая под последней «совокупность корыстных преступлений, совершаемых должностными лицами (номенклатурными работниками) в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и экономические интересы государства и граждан, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях советского хозяйства» (с. 7). Однако не совсем понятны критерии на основании которых, диссертант отделяет экономические преступления от других видов уголовных преступлений в рамках одной политической кампании. Например, автор уделяет целый параграф диссертации знаменитому «Ленинградскому» делу, подводя базу экономических преступлений как основу для обвинений «ленинградцев». Так, Т.Н. Никонорова пишет: «Мы видим на примере борьбы КПК с банкетами, что сами по себе такие проступки оценивались Комиссией достаточно лояльно, но в случае «Ленинградского дела» именно они стали основой «обвинительной базы» (с. 202). На самом деле, экономические преступления служебно-бытового характера в «Ленинградском» деле шли «в нагрузку» к более серьезным обвинениям, политического и идеологического рода (терроризм, попытки создания РКП(б)). На наш взгляд, выделение только экономических преступлений несколько снижает реальные масштабы политических кампаний сталинской эпохи.

Кроме того, открытым остается вопрос о том, какое место занимали постановления, связанные с экономическими преступлениями, среди всех постановлений Бюро и партколлегии КПК. В диссертации присутствует довольно проработанная типология

экономических преступлений, разбираемых на заседаниях КПК. Но каков процент постановлений от общего числа был посвящен борьбе с незаконным получением премий, нецелевым расходованием средств, приписками и т. д. Другой вопрос, как соотносились нормы уголовного права с деятельностью КПК, т. е. опирались ли сотрудники Комиссии, вынося свои решения, на нормы УК РСФСР или у них был свой кодекс поведения. Как известно, в уставе партии было написано, что Комиссия привлекает к ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины и партийной этики. В связи с этим, можем ли мы провести своеобразную дифференциацию и сказать, что отдельные экономические преступления относились к области партдисциплины, а другие - к области партэтики?

Наряду с решением основной задачи, Т.Н. Никонорова раскрыла принципиально новые сюжеты в историографии. Факты и выводы, приводимые в исследовании, позволяют иначе взглянуть на малоизвестное «Азербайджанское» дело, новым словом в историографии стало изучение «Ульяновского» или «Спиртового» дела. Довольно подробно описан социально-психологический портрет сотрудников КПК, показана динамика численности кадрового состава. Изучение документов КПК позволило Т.Н. Никоноровой высказать предположения, на первый взгляд, совершенно далекие от истории Комиссии. В частности, автором была предложена гипотеза о причинах реформы советских архивов в середине 1930-х годов (с. 33).

Научная ценность диссертационного исследования состоит в том, что Т.Н. Никонорова провела крайне трудоемкую работу по собиранию и обобщению материала. Автор проявил высокий профессионализм в решении поставленных перед ней задач, представив оригинальное и завершенное источниковедческое и, в тоже время, историческое исследование. Результаты работы и основные положения диссертации были опубликованы в 11 статьях, в том числе - четырех, входящих в список, рекомендуемый ВАК. Материалы, выводы, обобщения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, имеют несомненную практическую значимость.

Автореферат диссертации Т.Н. Никоноровой дает полное и адекватное освещение содержания диссертации.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Т.Н. Никоноровой является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной проблемы, характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, соответствует паспорту специальности, отвечает требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор – Никонорова

Татьяна Николаевна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования".

«01» октября 2018 г.

Пивоваров Никита Юрьевич,
кандидат исторических наук,
главный специалист
Российского государственного архива
новейшей истории
pivovarov.hist@gmail.com

8-929-681-76-50

Адрес: 119311, г. Москва, проспект Вернадского 9/10, кв. 53.

Адрес и контактный телефон работы:

115035, Москва, Софийская набережная, д. 34, стр. 1

Телефон: 8 (495) 190-55-89

Электронная почта: rgani@gov.ru

Н. Ю. Пивоварова заверяю.
Главный специалист РТН ИИ
Н. Д. Шишова